

ПАМЯТНИКИ МИРОВОЙ МЫСЛИ: ПЕРВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

УДК 321

DOI: 10.18384/2310-676X-2019-4-52-61

ТОМАС БЭЙЛИ О ПРИЧИНАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЙ

Аннотация. Впервые на русском языке публикуется адаптированный перевод работы британского исследователя и социального философа Томаса Бэйли (1785-1856) «Размышления о причинах политических революций» («Discourse on the Causes of Political Revolutions»). Данная работа представляет несомненный научный интерес для историков, социологов и политологов в силу того, что ряд положений концепции Бэйли получили дальнейшее развитие в работах известных мыслителей и оказали влияние на развитие теории революций.

Ключевые слова: Томас Бэйли, революция, теория революции

THOMAS BAILEY ON THE REASONS OF POLITICAL REVOLUTIONS

Abstract. This is the first Russian translation of the “Discourse on the Causes of Political Revolutions” by the British researcher and social philosopher Thomas Bailey (1785–1856). This work is of undoubted scientific interest to historians, sociologists and political scientists, since Bailey’s concepts found further development in the works of famous thinkers and inspired the development of the theory of revolution.

Keywords: Thomas Bailey, revolutions, theory of revolution

Английского мыслителя Томаса Бэйли можно по праву считать «отцом-основателем» научного направления «теория революции». Именно так – создать «теорию революции» на основании известных современникам революций в Англии, Америке и во Франции – ставил своей задачей автор в вышедшей из печати в 1830 г. работе «Размышления о причинах политических революций» («A Discourse on the Causes of Political Revolutions»). Многие рассуждения и выводы автора отражают ту историческую действительность, в которой они родились, при этом некоторые положения и подходы данной работы надолго пережили автора и его время. В связи с этим труд Т. Бэйли будет интересен представителям всех общественных наук. Адаптированный и сокращенный перевод – первый на русском языке – позволяет понять концепцию Т. Бэйли, его подходы и методы в изучении теории революции.

Сокращенный и адаптированный перевод выполнен по изданию Bailey T. A Discourse on the Causes of Political Revolutions. London: Published by W. Strange and B. Steill. 1830. 32 p. Переводчик, автор вступительной статьи и примечаний Э. Э. Шульц

Томас Бэйли. Размышления о причинах политических революций

Рассуждая о Революциях в ограниченном пространстве данной работы, мы вынужденно сосредоточимся на самых важных причинах, пропуская второстепенные или те, что на виду, но служат лишь, чтобы развивать скрытые свойства; и, насколько возможно, постараемся докопаться до первичного принципа беспорядков в государствах.

При этом нет необходимости для этой цели вникать в подробности истории Революций древности. Чтобы разобрать теорию революций, которую я намереваюсь проиллюстрировать, достаточно взгляда на Революции современности: в Англии в 1640 и в 1688, в Америке 1780 и революции во Франции 1789 и 1830 гг., – которых будет достаточно, я считаю, для моей цели. Моя цель состоит не в том, чтобы дать историю всех гражданских беспорядков в государствах, не в том, чтобы отследить причины, которые привели к смене династий, но показать действие врожденного в устройстве «общественного человека» закона, достаточного, чтобы вызывать беспорядки в государствах, – действенная причина всех Революций.

Сразу же сделаем заключение, вместе с Шатобрианом¹, что нет никакой надежной теории, на основании которой мы могли бы двигаться в нашем

¹ Франсуа Рене де Шатобриан (1768–1848) – виконт, пэр Франции, писатель, политик и дипломат

расследовании причин народных Революций.

Главное положение, которое я бы искал – это состояние цивилизации, состояние людей, где учение процветает, науки культивируются, поощряются искусства, прививается религия и распространяются знания? Разве это не увеличивающееся желание дальнейших достижений в улучшении? Склонность, которая является необходимым компонентом в нашей моральной конституции, чтобы позволить человеку исполнить жребий своей природы.

Философия и религия, одинаково, объединяются, чтобы запретить людям сдерживать свои достижения в знании и достоинстве, истинных элементах цивилизации. Предположить, что цивилизация могла быть ограничена в фиксированных пределах в стране, где образованность распространялась среди людей, будет нелепостью величайшего вида.

Аристократия, которая питала неприязнь к изменениям, способствовала возвращению иллюзии, что людей, теми или иными способами, все еще можно устрашать или умамливать на молчаливое согласие с продолжением той системы политики, в которой их предки наслаждались таким количеством преимуществ; система, которая, действительно, в свое время, могла быть памятником политической мудрости. Однако прогресс цивилизации, расширение торговли и широкое

распространение знаний создали множество новых потребностей и желаний среди людей, которые начали смотреть на восхваляемую мудрость предков с безразличием, если не с презрением. Их восприятие отношений в обществе, вследствие более частого и быстрого обмена идеями и мнениями, стало более острым..., средства коммуникации и обмена знаниями становятся более обширными и разнообразными, распространение благ среди них более общим и равным.

То, что было когда-то свободой, теперь ощущается как ограничения, и это волнует людей и ведет к недовольству. Кто же не обнаружит в этих расходящихся положениях между теми, кто правит, и теми, кем правят, зарождающегося принципа народных Революций? Ничего нет более ложного, чем утверждения о «тайных причинах или поводах Революций, которые непостижимы в общественном человеке!» Ничего нет более истинного, чем утверждение, что в самом принципе цивилизации заложены действенные причины всех Революций!

Государи могут удовлетворенно править у варваров – у них нет нужды жить в страхе Революций: орды Африки и Америки никогда не бунтуют против своих вождей по исключительно политическим побуждениям; даже среди полуварварских народов Азии выступления против своих правителей достаточно редки, и то чаще это акт персональной агрессии.

Достаточно спорный вопрос, были ли в Англии 1640 г. хоть какие-нибудь факты деспотизма, чтобы жаловаться на поведение своего суверена, при этом англичане были довольны и молча соглашались с плохим управлением

в правление большинства его предшественников.

Бесспорно, что страна была в общем процветающей, и люди в достатке. Человеческий разум, однако, в последнее время совершил серьезный скачок. Религия, от просто названия – принадлежность к профессии, предмет только форм и церемоний – стала в умах тысяч могущественной действительностью, практическим принципом управляющего влияния; и это чувство было характерно для всех категорий людей: армия и военно-морской флот, гражданин и сенатор, особенно землевладельцы и их иждивенцы.

Это состояние умов и нравов не могло не произвести серьезный сдвиг в сторону запроса на права человека, нравственные и политические; эти запросы привели к убеждению со стороны тех, кого охватили новые взгляды, что изменение социальных институтов – то, что по своей природе отличается от всего того, к чему люди стремились или нацеливались в своей предыдущей борьбе с правительством, крайне необходимо.

Ни королевский двор, ни нобилитет (за редким исключением), ни высокопоставленные лица церкви не были готовы полностью принять такие изменения вследствие влияния в их умах принципов исключительных прав и предубеждений в пользу исключительных привилегий и предписывающих прав, в которых они были воспитаны. Вследствие этого, они скоро оказались в положении антагонистов к разуму и морали Страны (результат этого противостояния нет необходимости прослеживать).

Страница Истории делает запись этих незабываемых событий и переда-

ет их потомству как урок, который демонстрирует настоятельные потребности, которые существуют в странах, где цивилизация, и что еще более важно – религиозное знание, сделали значительные успехи в том, что высшие классы обращают предельное внимание на развитие умов и моральное регулирование их поведения, а правительства проявляют внимание к чувствам людей на вопросы абстрактных прав не меньше, чем по поводу их мнения относительно финансов и торговли. В варварских или полуварварских государствах, если предметы, необходимые населению, в достатке, то правители в безопасности: но ни в коем случае они не могут быть уверены в этом в высокоцивилизованных странах.

В Европе существовали и все еще могут существовать Государи с любовью к деспотическому правлению, и вполне можно представить, как эти стремления вынуждают держать массу в неведении своего состояния невежества в вопросах любых дальнейших искусств и наук цивилизации.

То, что эти дворы правителей, главным образом, будут осуществлять деспотическое правление – здесь мало причин для сомнений, – но исходя из принципа, что все они жаждут власти, а «знание дает власть», и государство, где превалируют знания, становится резиденцией наивысшего объема власти в пропорции к населению и пространству территории, можно предположить, что у Государей возникнет сильное искушение отступить от такой политики, тем более, что от этого зависит их безопасность. Ясно можно представить, как инстинктивный страх Революций побуждает слабых деспотов предпочитать управление

над отсталыми и полуварварскими странами, нежели поощрять цивилизацию и развитие знаний, и также риск потери неограниченной власти, к которой они испытывают такое восхищение. На земле нет существа настолько же хитрого и трусливого, как деспот.

Англия – пример для всего мира во всем, что касается гражданских принципов, и именно Англия, с ее ограниченной территорией и населением, является бесспорно самой могущественной державой на Земле, – настолько сильной никогда не существовало ни в одно время и ни в одном регионе. Потеря флота или уничтожение армии не могут поколебать ее силу или нанести существенный ущерб, потому что сила эта коренится на интеллекте и морали ее населения – самая эффективная и восхитительная из всех сил, которые могут принадлежать народу. Потеря Южной Америки разрушило Испанию, потеря Северной Америки привнесла новую жизненную энергию Британии. И этого не изменит никакое отделение от нее существующих колоний; могущественное моральное влияние среди людей – вот настоящий источник ее силы. Задаюсь вопросом: возможно ли вообще такое в наши дни, чтобы даже самые деспотические правительства смогли бы успешно противостоять склонности нашего вида к улучшению; возможно ли для части людей пасть так низко в моральной и политической деградации, чтобы навсегда остаться индифферентным к их состоянию в общей великой семье человеческого рода. Когда небеса полны света, даже невежество и суеверие будут пробуждены от апатии, и деспотизм будет опрокинут в его попытках

сохранить любую значительную часть земли в темноте.

Я здесь настойчиво отметил бы, как важное обстоятельство, связанное с современными беспорядками в государствах, что гражданские права ограничены христианским миром и теми частями нового мира, которые знакомы с христианством значительный период времени: они рациональны в своей цели и благотворны в результате, в точном соотношении с тем фактом, что люди были сдвинуты в поклонение Высшему Существо от смехотворных зрелищ религиозных предрассудков и идолопоклонства. На самом деле это становится поворотным моментом, когда перемещаются наши понятия и чувства и возникает уважение к гражданским правам и обязанностям.

Среди ярко выраженных идолопоклонников – настоящих язычников, не встретим даже упоминания об уважительном отношении к правам граждан; тогда как пример Франции – единственный засвидетельствованный случай, когда был опробован определенный эксперимент – показывает, что предоставляет неопровержимые доказательства того, что в сообществе атеистов не могло быть признания гражданских прав.

Двигаясь по шкале градаций с нанесенными религиозными системами человечества от развитого язычества к самым чистым и простым формам христианства, мы найдем на каждой ступени близкое соответствие между верой в Высшее Существо и чувствами уважения к свободе и счастью ближних: мы сразу убедимся в колоссальном влиянии религии на состояние «человека социального» и в превосходстве христианства над каждой те-

ологической системой в продвижении социального счастья, так же как и морального достоинства нашего вида.

Христианство, как религия, основанное на непреложной связи с нравственным бытием, должно иметь стремление, значимостью своей цели и величием доктрины, увеличить интеллектуальный объем, усилить способности объединения и привести ум к размышлениям об абстрактных истинах, связанных с нравственностью, из которых выводятся все требования и обязательства Общества и из практического применения которых проистекают все важные преимущества.

Христианские народы, которые сделали величайшие достижения в знании истинных отношений морального бытия, или, другими словами, в науке об истинной Религии, совершили и самые большие достижения в гражданской свободе. Было бы невозможно, что какой-нибудь европейский народ мог освободиться от препятствий папизма и остаться так же быстро скованным в политической неволе, до того, как он стал протестантским. И это одинаково противоречило бы каждой истинной теории о природе человеческого разума: могли ли Испания, Португалия и Италия, будучи в их гражданском состоянии быть чем-то иным, чем они являлись; униженные и угнетаемые, неуступчиво придерживаясь своей Религии, формальной, суеверной, и чувственной. Ничто не может быть более забавным, чем слышать и читать о различных приготовлениях, производимых постоянно на протяжении последних десяти лет генералом Мина¹

¹ Франсиско Эспос-и-Мина (1781–1836) – испанский генерал. После разгрома в 1823 г.

и некоторыми другими, как сообщают политики и журналисты, для революций в Испании и Португалии; и почти напряженном ожидании тех, кто с замиранием сердца встречает каждую свежую почту, чтобы первым объявить об ожидаемом общем сопротивлении людей этих стран их правителям: и все это только на основании того, что их правители – тираны, словно состояние политической деградации естественным образом утверждает желание людей изменить их учреждения.

Истинно верно, что состояние рабства, или социальная деградация, всегда связывались с желанием свободы, или улучшением; и не только Испания, и Португалия, и Италия могли бы коренным образом измениться давно, но Турция и Персия, и Индия, и Китай, и Япония, – и любой регион, где деспотизм практикует свое железное влияние, уже очень давно обладали бы благословением конституционной свободы. То, что этого до сих пор не произошло, является решающим доказательством, по моему мнению, что они нравственно или интеллектуально еще не подходят для обладания свободой; или, другими словами, что они еще не ощущают себя рабами. Рассмотрение Южной Америки и ее сотни восстаний в течение прошедших двадцати лет, естественно, привлекает внимание. Почему эти республики приобрели до настоящего времени так мало выгод от своей свободы от метрополии, в то время как территории Северной Америки в половину того же времени получили так много? Почему

французами испанских войск бежал в Великобританию, а в 1830–32 гг. с отрядом сторонников попытался осуществить вторжение в Испанию.

одни покрыты славой по итогам двадцати лет, в то время как другие остаются облаченными в унижение? Каждое кажущееся преимущество было с Мексикой и Перу; но каждый реальный шанс был реализован в Пенсильвании и Новой Англии.

Без сомнений, прогресс цивилизации может быть задержан в отдельных государствах мерами правительств, и эпохи Революций, таким образом, могут быть отсрочены.

Так же не подвергается сомнению, что тенденции к волнениям в государствах, которые неизбежны и ждут проявления в поступательно развивающихся цивилизациях, могут быть ограничены в их развитии благоразумным или решительным правительством, даже пока его политика не соответствует духу времени. Но принцип Революции не уничтожен – природа социального человека не изменена – стимул знаний не ослаблен – импульс общественного мнения не сломан! После всех действий по предотвращению, какая тирания может предположить, что этот день все равно настанет!

Как выстреливает самое долгое содержание в неизвестности взрывной волной непреодолимого бешенства, так и отложенные Революции сопровождаются кризисом с наиболее ужасными последствиями. Если бы правители стран стимулировались духом звучащей мудрости, то ужасные конвульсии никогда не возникли бы в государствах по поводу гражданских прав, не вели бы к смерти тысяч граждан и опустошению городов и областей, не оставляли бы дворцы пустынными, а троны вакантными. Каждое действие правительства становилось бы последовательными частями вели-

кой Революции, эпоха которой стала бы временем, чьи успехи наложили бы отпечаток на историю последующих поколений.

Если бы те же либеральные учредения были бы даны Франции ее правительствами, через постепенные уступки в эпоху, начавшуюся с 1790 года, что определялось социальным запросом (как это уже было признано плохо управляющим Людовиком и его двором, когда их слава растворилась как утреннее облако), Франция, вместо того, чтобы быть сегодня окруженной новой угрозой революции, была бы уже в течение полувека счастливой и процветающей под конституционной монархией, и Европа обошлась бы без наводнения ужасов, которые последовали за падением ее древних учреждений.

Какова тогда эта «секретная причина» – это «неописуемое и скрытое что-то», что является результативной причиной всех Революций? – Просто желание людей привести общественные условия к состоянию, соответствующему улучшенному нравственному или интеллектуальному условиям! Может ли какая-нибудь иная причина быть более естественной и в то же время более действенной? В этом наблюдается сила общественного мнения – триумф национальной морали и интеллекта. Вот власть, слишком изысканная, чтобы бить ее штыками, и слишком необузданная, чтобы ограничить темницами: как сила притяжения и электричество она действует незримо, и проявляет свои громадные силы в едва различимой коммуникации, – это начинается в школьной комнате, созревает в общественных отношениях; не требуя ни помощи интриг, ни за-

говорщиков, ни политических клубов, ни демагогов, чтобы породить или совершенствовать свои достижения.

Некоторые верят, что Революция в Англии в 1640 была работой полудюжины человек; самовлюбленность или невежество говорят, что четыре или пять человек вызвали Революцию во Франции в 1790. Так, искренне верили, что судьба наших взбунтовавшихся американских колоний решалась тремя или четырьмя людьми, что английское правительство выглядело абсолютно глупо, когда установило награду за головы двух из них. Какая нелепость! Слово утрата двух человек, которые служили лишь инструментами общественной воли, могло заставить общественное мнение двинуться в обратном направлении и уступить цивилизации, неспособной к производству естественных результатов.

Истина в том – и этот урок невозможно переоценить, – что действительно великие люди не имеют такого большого значения, когда дело касается судьбы наций, и простые люди лишь воображают себе эту важность. Это были не Франклин, Адамс и Вашингтон, кто произвел на свет Американскую революцию. Даже наоборот: это революция создала их, как публичных людей. Америка обязана многим их гению, который способствовал обретению свободы страной! но они обязаны больше Америке, которая даровала им Свободу, безопасность и славу! Могла ли потеря двух личностей вызвать исчезновение причины и воспоминаний у колонистов? Меры английского правительства, возможно, и могут быть оправданы, по крайней мере, гибкими правилами государственной политики; но даже при полном их исполнении

не могли заставить людей отучиться от приобретенных идей, которые впитались в них. Безнравственность правительственного акта может сравниться только с его безумием. Революция должна была продолжаться вне зависимости от того, кто бы ее возглавил к цели: она имела в своем основании усовершенствованное состояние Американского общества – в общем распространении среди колонистов знаний, гражданских и религиозных; а если кратко, то в противоречиях, созданных неизменной и устаревшей политикой, наложенной на людей, которые быстро прогрессировали в цивилизованности, последствием чего и были их высокие устремления.

Я рискую здесь заметить, что крайне маловероятно, что Англия будет в состоянии поддержать владычество над любой из ее больших колоний в течение длительного периода, если самые просвещенные советники не направят колониальную политику ее правительства. Распространение среди них либеральных принципов, на которых базируются национальные учреждения самой Англии, обладает естественной тенденцией пробуждать любовь к свободе и желание независимости. И эти свойства, которыми они (с их быстрым прогрессом цивилизации, возникшим из вышеупомянутых причин и экстраординарных условий для улучшения) наслаждались в постоянном контакте с такой просвещенной и нравственной страной, должны были быстро развиться среди них принцип Революции.

Будет ли разделение с метрополией неизбежным результатом того нравственного изменения, которое уже началось среди населения многих больших колоний, полностью зависит от

будущего поведения правительства в Англии.

Я повторяю, это – ошибка Правителей, если страна когда-либо переносит ужасы внутренних гражданских волнений или ход Революции отмечен криминалом, то это их действия привели к такому и они ответственны за пролитие крови. В хорошо организованном государстве такие революции, свидетелями которых мы явились, никогда бы не случились.

Принцип Революции является врожденным у «человека социального», он произрастает из его характера, как нравственного и разумного существа, и является процессом, благодаря которому он должен достигнуть еще большего прироста социального счастья и славы. Таким образом, можно считать несмыслаемым позором на личностях тех, кому вверены судьбы стран, когда то, что разработано в общественных учреждениях для самой большой пользы, становится источником самого большого зла. Таковы, до настоящего времени, были кровавые шаги, которыми страны продвинулись к благам конституционной свободы: пока Революция не стала звуком ужаса, словом ужасного предзнаменования, пробудив ум к соображениям, при которых бледнеет человечество. И, пока деспотизм Государей, и эгоизм привилегированных классов, и необузданные страсти людей влекут за собой или требуют, чтобы Революции, которые должны занимать целый период, должны быть достигнуты за день, человечество будет иметь причины бояться их как ужасных испытаний.

Необходимо задаться вопросом: являются ли люди во все времена ком-

петентными судьями меры гражданского улучшения, необходимого, чтобы ассимилировать их нравственное и гражданское состояние? Я отвечаю, конечно, нет!

Революция должна всегда быть работой правительства; не людей; кроме как через посредство выражения общественного мнения – единственная разновидность силы, которую люди могут полезно использовать.

Физическая сила никогда не должна использоваться для исправления социального зла, пока доказано, что все виды негативного сопротивления не оказываются безрезультатными.

Если деспотизм добивается признания в государстве смелого безрассудства, что высмеивает страдание и топчет протесты, жертвуя одинаково собственностью, людьми и совестью Людей в его необузданной жажде господства, то допустимо привлечь к суду таких Тиранов в трибунале природы, чтобы выставить напоказ их бессилие и наказанные преступления. Такие случаи, однако, могут редко, если вообще могут когда-либо, происходить среди нравственных и разумных людей: общественное мнение имеет слишком большое влияние, чтобы позволить такому монстру приобрести силу.

Вернемся, однако, как к заключительному размышлению, к рассмотрению нашего принципа: если нет никакой рациональной теории, поддающейся обнаружению, пояснительной для беспорядков в государствах, – никакого неизменного принципа, существующего в обществе, который может быть выдвинут в качестве рациональной причины Революций, – тогда Тираны могут отважиться на неизмен-

ный план сопротивления пожеланиям и потребностям их подданных, и надеяться спастись безнаказанно: тогда фигура Якова II¹ как политика выглядит безупречной; а Карл X² и его министры имели обоснованные причины экспериментировать с постановлениями от двадцать шестого июля.³

Революции либо укладываются в некоторые установленные принципы, существующие в обществе, имеют естественную и действенную причину, шутить с которой – безумие, или революции – это всего лишь несчастные случаи, случайные обстоятельства, которые возможно отключить или прервать в процессе движения – опасность будет в целом рассеяна.

Исходя из какого из обозначенных принципов смотрели на теорию беспорядков в государствах безумно влюбленный английский Яков II⁴ и французский Карл X и их правительства, остается неизвестным, но их поведение, внезапное и решительное свер-

¹ Яков II Стюарт (англ. – Джеймс, James II; 1633–1701) – король Англии, Шотландии и Ирландии, внук Якова I, второй сын Карла I и младший брат Карла II. Потерял трон в результате «Славной революции» 1688 года. Последний британский король-католик.

² Карл X (Charles X; 1757–1836) – французский король с 1824 по 1830 гг.

³ 26 июля Карл X подписал четыре правительственных указа (т.н. «ордонансы Полиньяка»), которые распускали палату представителей, ограничивали избирательное право, свободу слова и восстанавливали цензуру. Эти указы стали толчком «июльской революции» 1830 г.: 27 июля на улицах Парижа вспыхнули баррикадные бои; 28 июля восставших поддержали солдаты; 29 июля восставшие захватили дворцы Лувр и Тюильри; 2 августа король подписал отречение в пользу своего внука.

⁴ «Безумно влюбленный» или «поглупевший от любви» – отсылка автора к множеству любовных романов короля.

жение слишком явно и ясно демонстрируют, какой из этих двух подходов наиболее согласуется с принципами Истины и здравого смысла.

Приведут ли события, которые проявились на Европейском континенте в течение последних нескольких месяцев¹, к официальному пониманию среди государственных деятелей принципа (который здесь отстаивался, с надеждой расположить их уделить должное внимание) правительственной помощи увеличению знаний и добродетелей Человека, которые обеспечат большой запас социального счастья; в противном случае, Государя и Сенаты будут продолжаться, издавая законы против первого принципа Цивилизации, как будто Революции исчезли с лица Земли или установленные при-

чины не привели к их естественным следствиям, потому что короли и Министры так пожелали. Это покажет только Время.

Следует ли принимать прежний курс (о чем я молю Бога), по крайней мере, в нашей стране – и тогда видимые и выгодные изменения скоро станут очевидными в условиях цивилизованного общества. Или следует ему сопротивляться из-за гордости или презирать из-за невежества – и тогда политические конвульсии самого страшного вида продолжают волновать и опустошать страны; и Англия, не меньше, чем другие государства, должна будет надолго стать театром самых ужасных противоборств.

Материал поступил в редакцию 13.06.2019

---

¹ Речь идет о событиях, приведших к революции во Франции в июле 1830 г., и об их влиянии в других европейских странах.